Научная статья

УДК 297.1

doi: 10.17748/2075-9908-2020-12-4-5-79-89

ХАЛИДОВА Ольга Борисовна

Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
г. Махачкала, Россия
ORCID id: <http://orcid.org/0000-0002-3454-9427>
o.khalidova2011@mail.ru

**АНТРОПОЛОГИЯ РЕЛИГИОЗНОГО КОНФЛИКТА НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В ДАГЕСТАНЕ)**

В зависимости от конкретной исторической и социально-политической ситуации в обществе религиозный фактор может играть любую роль. В периоды социальных кризисов он становится одной из наиболее влиятельных сил, используемых различными социальными и политическими группами в собственных интересах. В умелых руках, как отдельных людей, так и государственных деятелей, религия имеет способность влиять на внутреннюю политическую ситуацию и мобилизацию общества. Особенно отчетливо это проявилось в транзитный период истории нашей страны, когда вызревавшие в течение длительного времени исторические предпосылки реформ определили сущность не только социально-экономического, политического, но и духовного развития СССР во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов. В этот период развитию духовного поля российского общества был присущ рост интереса к исламу, особенно в национальных республиках восточной части Северного Кавказа. Здесь сложились все предпосылки для процесса реисламизации. В данном контексте в качестве локального примера может служить Республика Дагестан, развитие которой в постсоветский период российской истории было обусловлено непростой, а порой довольно сложной общественно-политической ситуацией, тесно переплетающейся с исламским фактором во главе с религиозными лидерами, создавшими конфликтную ситуацию. Сконцентрировав внимание на роли личности в формировании и развитии социальных и религиозных процессов, в предлагаемой статье авторы на конкретных исторических примерах предпринимают попытку рассмотреть противостояние между обществом и государством в борьбе за доминанту религиозной идеи на фоне сложившихся социально-экономических и общественно-политических факторов в условиях повышенного национального самосознания в дагестанском обществе.

Ключевые слова: религия, ислам, религиозный конфликт, антропология, Дагестан

Для цитирования: Халидова О.Б. Антропология религиозного конфликта на постсоветском городском пространстве в условиях трансформации общества (на примере исламского фактора в Дагестане). Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Том. 12. № 4-5. с. 79-89.
doi: 10.17748/2075-9908-2020-12-4-5-79-89.

Original article

Olga B. KHALIDOVA

Institute of History, Archeology and Ethnography of
Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russia
ORCID id: <http://orcid.org/0000-0002-3454-9427>
o.khalidova2011@mail.ru

ANTHROPOLOGY OF RELIGIOUS CONFLICT IN POST-SOVIET URBAN SPACE DURING SOCIETY TRANSFORMATION

Depending on the specific historical and socio-political situation in society, religious factors can play various roles. In times of social crisis, it becomes one of the most influential forces used by various social and political groups in their own interests. In the capable hands of both individuals and statesmen, religion has the ability to influence the internal political situation and the mobilization of society. This was especially evident in the transit period of our country's history, when the historical prerequisites for the reforms defined the essence of socio-economic, political, spiritual development of the USSR in the second half of the 1980s – early 1990s. During this period, the development of the spiritual field of Russian society was characterized by a growing interest in Islam. All the prerequisites for the re-Islamization process have been established here. In this context, the Republic of Dagestan can serve as a local example, the development of which in the post-Soviet period of Russian history was conditioned by a difficult and sometimes rather complicated socio-political situation closely intertwined with the Islamic factor, headed by religious leaders who created a conflict situation. Concentrating attention on the role of the individual in the formation and development of social and religious processes, in the proposed article the authors try to consider the confrontation between society and the state in the struggle for the dominance of religious ideas against the background of the existing socio-economic and socio-political factors in the conditions of increased national consciousness in the Dagestan society.

Keywords: Religion, Islam, religious conflict, anthropology, Dagestan

For citation: Khalidova O.B. Anthropology of religious conflict in post-soviet urban space during society transformation. Historical and Social-Educational Idea. 2020. Vol. 12. No.4-5. PP. 79-89.
doi: 10.17748/2075-9908-2020-12-4-5-79-89. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Религия, религиозный компонент всегда имели и имеют способность выступать как в роли объединяющего символа и мобилизующей силы, так и детонатором социальных конфликтов в обществе. При этом все более значимой парадигмой мышления становится религиозное самосознание. В этой связи религиозный конфликт как один из видов социальных конфликтов в эпоху глобализации приобрел статус «управляемого» в социуме. Разрастание подобного рода конфликтов априори способно оказать заметное влияние на характер социальных отношений в обществе, в первую очередь политических, экономических, а также национальных.

Сегодня в научных кругах заметно усиление интереса к проблеме религиозного конфликта [1; 2]. В своих высказываниях ученые подчеркивают, что он часто принимает форму борьбы за политические права, национальную (этническую) независимость, социальную справедливость, гендерное равенство и т.д. Религиозная идентичность часто оказывается прикрытием национальной (этнической) идентичности, идеологическим ресурсом, которым легко манипулируют политические элиты и правящие группы для достижения не религиозно-духовных, а материальных целей [3]. Исходя из этого, место и роль религии в обществе связывают, прежде всего, с ее политизацией, а также параллельной тенденцией – религиозизацией политики [4].

Сформулированная выше гипотеза австрийского теолога и социолога отчетливо маркируется на локальном уровне в условиях постсоветского Дагестана. В качестве эмпирического кейса здесь выступает симбиоз политики и религии – ислама. Будучи неотъемлемой частью дагестанского общества, даже в советское время исламская религия, несмотря на давление со стороны партийных властей, сохраняла определенную степень традиционности в быту. Значимая роль исламской религии в развитии культуры народов Дагестана была обусловлена и религиозным возрождением в переходный период развития общества. Перспективы постсоветского развития религии строились на мнении о возможности ислама стать тем фактором, который объединит многочисленные социальные группы и движения, сохранив при этом этническое многообразие, и будет способствовать сплочению граждан и предотвращению существующих конфликтов [5, с. 243]. Однако на начальном этапе развития духовной сферы дагестанского общества четко обозначился субъективный фактор религиозной конфликтности. В этой связи, используя классическое определение термина «конфликт» как «...серьезное разногласие, острый спор или противоборство субъектов с целью реализации их противоречивых интересов, позиций, ценностей и взглядов» [6], мы и поместили в центр нашего исследования религиозные общественно-исламские группы во главе с их лидерами, способные сплотить общество по религиозно-этническому признаку в их противоборстве, прежде всего, с властью.

Исходя из этого, предметом для изучения в данной статье является выявление специфики взаимовлияния религиозных и общественных процессов в постсоветском городском пространстве Дагестана сквозь призму религиозного конфликта.

Цель представленной статьи – показать место и роль религиозного конфликта, возникшего на почве идеологических разногласий. Акторами конфликта выступают отдельные личности со своими религиозными нетрадиционалистскими взглядами и социально-политическими ориентациями, противостоящие официальным структурам в борьбе за доминирующее положение в обществе, где краеугольным камнем выступала новая религиозная идея. Авторы исходят из тезиса, что разрастание подобного рода конфликтов априори оказывает заметное

влияние на характер социальных (политических, социально-экономических, национальных) отношений в обществе, примером которого служит в статье раскол ДУМДа по этническому признаку.

Методы исследования

Теоретико-методологические основы исследования в представленной статье составляют общефилософские принципы и методы исследования: принципы системного подхода, всесторонности, историзма, конкретности. При написании автор руководствовался также методами современной социологии и социальной психологии, сравнительного исследования и социального прогнозирования. В статье используются неопубликованные документы, выявленные в Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва); использованы материалы республиканской периодической печати, выражающие и интерпретирующие описываемые нами события. Совокупность исторического и социологического методов позволили нам выявить оценки в массовом сознании дагестанцев в целях подтверждения происходивших трансформаций в дагестанском обществе в 80–90-х годах XX в.

Трансформации в религиозных ориентациях, по данным социологических исследований, привели к кардинальным изменениям в динамике религиозности населения. Если в конце 70-х – начале 80-х годов XX в. различные опросы фиксировали 5–10% «верующего населения» в нашей стране, то уже в 1995 г. 60,8% населения идентифицировали себя как верующие [7, с. 114]. Религиозность верующих подкреплялась повсеместным количественным ростом зданий религиозного культа [8, с. 97], конфессиональная панорама которых в России первой половины 1990-х годов отличалась весьма многообразным колоритом. При отсутствии каких-либо связей с институциональными религиозными организациями и знакомства с какими-либо вероучениями в минимальной степени в условиях атеистической цензуры институционализированная религиозная жизнь советских людей была сведена до минимума и ограничивалась эпизодическими посещениями богослужений. Как следствие, в обществе стихийно распространялись примитивные религиозные идеологемы и верования самого разнородного происхождения [9].

Рост религиозного фактора был настолько актуальным, что религия начала ассоциироваться с идеологическим плацдармом и в решении многих проблем общества, обнаруживших себя в постсоветский период в результате демократизации общества конца 1980-х годов.

Так называемый «религиозный ренессанс» имел свои особенности в национальных регионах, в частности в Дагестане, тесно переплетаясь с социальными факторами. Попытка рассмотреть эту проблему немного шире приводит нас к выявлению и таких факторов, как отсутствие стабильности в обществе, углубляющееся имущественное и материально-финансовое неравенство, отток сельского населения в города и увеличение количества безработных, инфляция, отсутствие правовой защиты. Ваучерная приватизация государственной собственности, присвоение ее представителями центральной и региональных властных структур, группами, приближенными к ним в начале 1990-х годов, способствовали заметному ухудшению социальных условий жизни большинства россиян. Наблюдалось быстрое и баснословное обогащение меньшинства и значительное обнищание основной массы населения страны. Данные статистики свидетельствовали о численном увеличении населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Анализ статистических данных показал, что в 1996 г. средне-

душевой денежный доход 22% российского населения был ниже прожиточного минимума [10, с. 150].

Свое мнение с негативной оценкой преобразований, происходивших в 1985–1990-х годах, высказала большая часть дагестанцев (49,8%) в ходе социологического опроса, проведенного дагестанскими учеными в 2016 г. в целях глубокого анализа и установления существующих в массовом сознании дагестанцев оценок и отношения к событиям тех лет. Доля положительно охарактеризовавших преобразования перестроечного периода более чем в два раза меньше по сравнению с подгруппой негативно настроенной части опрошенных и составила 20,8%. Выбор данной позиции респонденты мотивируют позитивными изменениями в обществе, выразившимися в демократизации и гласности, свободе выбора и т.д. Далее, каждый десятый опрошенный по всему массиву демонстрирует полное безразличие к преобразованиям перестроечного периода [11, с. 157]. Таким образом, полученные результаты исследования являются основанием для вывода о том, что в массовом сознании дагестанских народов в основном превалировала негативная оценка событий 80–90-х годов XX столетия.

Обсуждение

Среди республик Северного Кавказа Дагестан всегда отличался особой религиозностью. В советское время Дагестан относился к тем национальным регионам, где доля мусульманского населения составляла 94,5% от общего [12, с. 50]. Политика перестройки четко обозначила дальнейшее развитие ислама, предоставив ему возможность начать выстраивать новую модель взаимоотношений с властью. Это послужило началом для стремительного развития материальной основы ислама, в том числе роста количества его культовых сооружений. По данным Комитета по делам религий правительства РД, динамика роста мечетей была следующей: 1992 г. – 800, 1994 г. – 1050, 1996 г. – 1180, 1998 г. – 1495, 1999 г. – 1555 [13, с. 68]. Только за 1990–1991 гг. в Дагестане было вновь построено или реставрировано 125 мечетей. Была возобновлена деятельность 106 зияратов. В эти же годы возросло число мусульман, совершивших хадж: с 345 до 889 человек [14, Л. 11]. В постсоветский период в Дагестане число тех, кто считал себя верующим, колебалось в пределах от 81% до 95% [15, с. 242].

Однако в процессе возрождения исламской религии стали проявлять себя и проблемные составляющие этого периода, связанные с появлением альтернативных, нетрадиционных направлений ислама [16, с. 83] (Макаров, 2003). На подъеме «новой исламизации», на фоне общего кризиса часть мусульман восприняла привнесенный извне радикальный ислам, во многом не характерный для образа жизни местных религиозных сообществ и их представлений о порядке мироустройства [17, с. 83].

Еще в годы перестройки в республике имелись мюридские братства, численность которых к 1989 г. возросла от пяти до семи. Уже тогда Уполномоченный по ДАССР А.-С. Девришбеков мюридские группы относил к течениям экстремистского толка. Он отмечал, что подобные группировки представляют определенную опасность, поскольку пытаются навязать верующим свою волю и составить сильную оппозицию не только зарегистрированным служителям культа, но и активу зарегистрированных мечетей. Происходили случаи самовольного захвата мечетей [18, с. 67].

В дальнейшем процессы переходного периода, связанные с расширением международных связей СССР, в том числе и с исламским миром, предоставили возможность верующим выезжать на учебу в ближневосточные учебные заве-

дения, что позволило глубже проникнуться в основы исламской религии. Это, в свою очередь, привело не только к лучшей профессиональной подготовленности выпускников этих учебных заведений, но и послужило причиной расхождения в трактовках некоторых канонов исламского вероучения. Появляются так называемые активисты исламского социально-политического проекта, требующие перевода всей жизни верующих на принципы ислама, но без священнической «касты жрецов». Служители такой веры, по мнению новых исламистов, следуя за отсталостью и предрассудками непросвещенных, превратили религию Истины в нагромождение народных суеверий и иррациональных мистических «знаний» [19, с. 111].

Начавшаяся реисламизация Дагестана, пока не затрагивавшая власть, не вызвала угрозы со стороны официальных кругов. Однако события разворачивались стремительно. В мае 1989 г. в Дагестанской АССР возникла первая конфликтная ситуация при активном участии салафитов. В результате было успешно ликвидировано Духовное управление мусульман Северного Кавказа. Причиной для переизбрания были определенные злоупотребления Геккиева положением муфтия. Среди них разного рода махинации, разбазаривание материальных средств и ценностей Духовного управления, отступления от законоположений ислама. Ко всему прочему, его обвинили в слабой защите интересов и гарантированных Конституцией СССР прав верующих. Высказываясь о причинах, которые вызывали нездоровые настроения в обществе, Председатель Совета Министров по делам религий Л.Ф. Колесников указал лишь на формальный, бюрократический подход должностных лиц республики при рассмотрении писем, жалоб и заявлений верующих [20].

Однако была еще одна подоплека вышеуказанного конфликта – экономическая. Контроль над ДУМД, к которому стремились лидеры, открывал доступ к огромным денежным ресурсам, прежде всего к доходам от организации хаджа. Результатом стала ситуация, связанная с обстановкой вокруг хаджа, приобретшая широкий резонанс в республике и свидетельствовавшая о попытке государственного переворота группой верующих во главе с заметным исламским радикалом Х. Хасбулатовым.

Хасбулат Хасбулатов, житель с. Губден Карабудахкентского района, был известен своими ораторскими способностями. В конце 1980-х годов, когда была заложена основа для активного участия в общественно-политической жизни республики традиционных исламских институтов Дагестана, в дальнейшем постепенно превращаясь в серьезного политического игрока и пытаясь влиять на принятие политических решений, в республике стали появляться религиозные группировки-партии как своего рода защитная реакция на перемены. Первой из них была созданная 25 января 1990 г. в с. Губден партия «Джамиатуль Муслимин» (от араб. Джама'ат ал-муслимин), инициаторами которой были Х. Хасбулатов, А. Таимов, М. Гаджимурадов, Н. Гарумов, М.-Р. Ахмедов. Первоначально в политической деятельности организаторы делали упор на объединение кавказских мусульман в целях дальнейшего упрочения ислама на основе требований шариата, особенно при соблюдении мусульманских обрядов в отношении брака и семьи, а также в повседневной жизни, расширение их связей с единоверцами за рубежом, создание политической оппозиции просоветскому правительству Дагестана и постепенное превращение республики в «исламское государство», живущее по принципам шариата. 23 сентября 1990 г. руководители партии организовали съезд мусульман Дагестана в с. Губден, в котором приняли участие 486 представителей от 57 сел, городов и сотни любопытствующих губденцев. Несмотря на

множество актуальных и значимых проблем, которые были поставлены руководителями этой партии перед мусульманами (изучение исламской культуры Дагестана, защита политических прав верующих, принятие безотлагательных мер по стабилизации обстановки в республике и преодоление кризиса), ни одна из них не была реализована.

Обстановка вокруг хаджа приобрела в республике широкий резонанс, когда четко обозначилась попытка государственного переворота группой митингующих верующих «хаджистов» на центральной площади г. Махачкалы во главе с руководителем Х. Хасбулатовым. Несмотря на попытку урегулирования проблемы «сверху», рост протестных настроений среди верующих не прекращался. Попытки власти хоть как-то урегулировать создавшуюся ситуацию, например путем принятия постановления 4 июня 1991 г. «О мерах по организации паломничества мусульман Дагестана в Мекку», а также объявления пятницы нерабочим днем в республике, приводили к обратным действиям со стороны митингующих. Последовал ультиматум о поездке всех желающих или никого. Настойчиво звучали призывы: перекрыть железную дорогу и автотрассу Ростов–Баку, захватить аэропорт, Дом Советов, распустить Верховный Совет, отозвать депутатов, добиться отставки правительства.

Для решения создавшейся проблемы руководство республики неоднократно выезжало в Москву, где состоялись встречи с руководством Совмина, других министерств, ведомств и Центрального банка РСФСР. После каждого приезда М.М. Магомедов и А.М. Мирзабеков информировали верующих о встречах в Москве. Митинг продолжался 12 дней. В один из дней перед митингующими выступил заместитель муфтия Саидмагомед Абубакаров. Он в своем выступлении просил прекратить митинговать и готовиться к хаджу. После последней встречи руководства республики с митингующими в толпе прозвучал сигнал к штурму здания Правительства. Первыми кинулись женщины, а за ними мужчины, бросая камни в сторону окон здания. Один камень попал в милиционера, тем самым ранив его, милиция открыла огонь вверх, но рикошетом пуля попала в одного из нападающих. В результате скончался житель с. Чиркей Буйнакского района Абдурахман. Беспрецедентная ситуация с организацией хаджа ярко сигнализировала о наличии глубокого кризиса в самом обществе и, соответственно, во властной структуре. Результатом данного конфликта стали межэтнические расколы, послужившие причиной появления сразу нескольких конфликтующих между собой мусульманских структур, в том числе и в самом ДУМД.

Заключение

Таким образом, постсоветский исламский феномен был вызван целым комплексом причин, корни которого в большинстве случаев находятся в латентных и явных социальных, экономических и политических недугах, а не в патологии психологических качеств отдельных людей. Однако как недооценка исламского фактора советским руководством страны с отсутствием четкой государственной идеологии светского типа, которая учитывала бы интересы верующих и неверующих, так и лояльность в деятельности республиканской власти в самом начале 1990-х годов привели к ошибкам, повлекшим необратимые последствия для республики. Попытка республиканских властей разрешить эту проблему не увенчалась успехом, а лишь «пригладила» ситуацию. Набиравшие обороты межнациональные противоречия в национальных республиках послужили основой для придания исламу этноконфессионального окраса. Создавалась ситуация, когда религия использовалась как идеологический плацдарм в борьбе за лидерство во

власти. В Дагестане нарастало противоборство между различными этнополитическими элитами, прежде всего аварской, даргинской и кумыкской. С другой стороны, повышение национального самосознания у дагестанских народов стало одной из причин кризиса духовного управления мусульман. Междоусобные склоки и неэффективная борьба со своими оппонентами привели к политизации духовного управления, дистанцировав его от верующих и лишив своего авторитета [21, с. 234].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Филатов С.Б. Религия и конфликт / Под ред. А.В. Малашенко и С.Б. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 289 с.
2. Зеленков М.Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. – 244 с.
3. Руткевич Е.Д. Религия в глобальном пространстве: фактор разъединения или объединения? Конфликт интерпретаций // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 4901-4909.
4. Berger P. Religious Pluralism for a Pluralist Age / Culture & Society, April 25, 2005 // URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/religious-pluralism-for-a-pluralist-age> (дата обращения: 14.02.2018).
5. Халилова А.С., Лебедев В.С. Исламский фактор в политических конфликтах на Северном Кавказе: Дагестан и Чечня в 1991–1999 гг. // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 12. – С. 243-246.
6. Степанов Е.И. Конфликты в современной России: проблема анализа и регулирования. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 344 с.
7. Гараджа В.И. Социология религии. – М.: Институт Открытое Общество, 1995. – 223 с.
8. Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985–1997 гг. – М.: Российское объединение исследователей религии, 2010. – 444 с.
9. Филатов С.Б. Возрождение веры в постсоветской России // Газета «Мирт». – 2011. – № 5(42) // URL: <http://gazeta.mirt.ru/stat-i/obschestvo/post-891/>.
10. Араловец Н.А. Городская семья в России во второй половине XX в. – М.: Институт российской истории РАН, 2015. – 360 с.
11. Халидова О.Б., Данилюк М.Ю. «Евангелизация народов Дагестана» сквозь призму социально-экономического и общественно-политического положения Республики Дагестан (1990–1999 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 437. – С. 155-160.
12. Мирзабеков М.Я. Историческая география Дагестана (60-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.). – Махачкала: Парнас, 2012. – 394 с.
13. Абдулагатов З.М. Современная религиозная ситуация в Дагестане (процессы мусульманского возрождения) // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 6. – С. 68-71.
14. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф.р-1586. Оп.1. Д.9. Л.11.
15. Малашенко А. (Ислам «легализованный» и возрожденный // В кн.: «Двадцать лет религиозной свободы в России» / Под общ. ред.

- А. Малашенко и С. Филатова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСППЭН), 2009. – С. 242-261.
16. Макаров Д. Радикальный исламизм в российских регионах: общее и особенное (на примере Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Татарстана) // Мат-лы Всерос. конф. «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования», Казань, май 2003 г. / Сост. и ред. Р.М. Мухаметшин. – Казань: Институт истории АН РТ, 2004. – С. 47-66.
17. Буттаева А. Ислам в поликонфессиональном пространстве современного Дагестана // Центральная Азия и Кавказ. – 2012. – Вып. 1. Т. 15. – С. 79-89.
18. Халидова О.Б., Сефербеков Р.И. Процессы реисламизации в постсоветском Дагестане: проблемы и особенности (первая половина 1990-х гг.) // Вестник Кемеров. гос. ун-та. – 2018. – № 3 (75). – С. 64-69.
19. Кисриев Э.Ф. Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе. Религия и конфликт. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСППЭН), 2007. – 289 с.
20. Государственный архив Российской Федерации. Ф.А-661. Оп.1. Д.12. Л.7-10.
21. Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. – Махачкала: АЛЕФ, 2016. – 385 с.

REFERENCES

1. Filatov S.B. *Religiya i konflikt* [Religion and conflict]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. 289 p. (in Russian).
2. Zelenkov M.Yu. *Religioznyekonflikty: problemy i putiikhresheniya v nachale XXI veka (politiko-pravovoyaspekt)* [Religious conflicts: problems and ways of their solution at the beginning of the 21st century (political and legal aspect)]. Voronezh: Voronezhskiygosudarstvennyyuniversitet [Voronezh State University], 2007. 244 p. (in Russian).
3. Rutkevich E.D. *Religiya v global'nom prostranstve: factor raz'edineniya ili ob'edineniya? Konflikt interpretatsiy* [Religion in the global space: a factor of separation or unification? Conflict of interpretations]. *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'* [Sociology and society: social inequality and social justice]. Moscow: Russian Society of Sociologists, 2016. Pp. 4901-4909. (in Russian).
4. Berger P. Religious Pluralism for a Pluralist Age. *Culture & Society*, April 25, 2005. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/religious-pluralism-for-a-pluralist-age> (accessed:14.02.2018).
5. Khalilova A.S., Lebedev V.S. *Islamskiy faktor v politicheskikh konfliktakh na Severnom Kavkaze: Dagestan i Chechnya v 1991–1999 gg.* [Islamic Factor in Political Conflicts in the North Caucasus: Dagestan and Chechnya in 1991–1999]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2015. No. 12. Pp. 243-246. (in Russian).
6. Stepanov E.I. *Konflikty v sovremennoy Rossii: Problema analiza i regulirovaniya* [Conflicts in Modern Russia: The Problem of Analysis and Regulation]. Moscow: Editorial URSS, 1999. 344 p.(in Russian).
7. Garadzha V.I. *Sotsiologiya religii* [Sociology of Religion]. Moscow: Open Society Institute, 1995. 223 p.(in Russian).

8. Odintsov M.I. Veroispovednyere formy v Sovetskom Soyuze i v Rossii. 1985-1997 gg. [Religious Reforms in the Soviet Union and in Russia, 1985–1997]. Moscow: Russian Association of Religious Researchers, 2010. 444 p. (in Russian).
9. Filatov S.B. Vozrozhdenie very v postsovetskoy Rossii Gazeta [Revival of faith in post-Soviet Russia Newspaper] «Mirt». 2011. No. 5(42) Retrieved from
10. URL: <http://gazeta.mirt.ru/stat-i/obshchestvo/post-891/>. (in Russian).
11. Aralovets N.A. Gorodskaya sem'ya v Rossii vo vtoroy polovine XX. [Urban family in Russia in the second half of the twentieth century] Moscow: Institut Rossiyskoy istorii RAN Publ, 2015. 360 p. (in Russian).
12. Khalidova O.B., Danilyuk M.Yu. «Evangelizatsiya narodov Dagestana» skvoz' prizmu sotsial'no-ekonomicheskogo i obshchestvenno-politicheskogo polozheniya Respubliki Dagestan (1990–1999 gg.) ["Evangelization of the Peoples of Dagestan" through the prism of socio-economic and socio-political situation of the Republic of Dagestan (1990–1999).] Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University], 2018. No. 437, 155-160. (in Russian).
13. Mirzabekov M.Ya. Istoricheskaya geografiya Dagestana (60-e gody XIX v. – 30-e gody XX v.) [Historical Geography of Dagestan (the 60s of the 19th century – 30s of the 20th century)]. Makhachkala: Parnas, 2012. 394 p. (in Russian).
14. Abdulagatov Z.M. Sovremennaya religioznaya situatsiya v Dagestane (protsessy musul'manskogo vozrozhdeniya) [The modern religious situation in Dagestan (the processes of the Muslim revival)]. Etnograficheskoe obozrenie [The Ethnographic review], 2002. No. 6. Pp. 68-71. (in Russian).
15. TsGA RD. (Tsentral'nyy Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan). F.r-1586. Op.1. D.9. L.11.
16. Malashenko A. Islam «legalizovannyi» i vozrozhdenyy [Islam is "legalized" and reborn] in Dvadsat' religioznoy svobody v Rossii [Twenty Religious Freedoms in Russia]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSPPEN), 2009. Pp. 242-261. (in Russian).
17. Makarov D. Radikal'nyy islamizm v rossiyskikh regionakh: obshchee i osobennoe (naprimere Dagestana, Kabardino-Balkarii, Karachaevo-Cherkessii i Tatarstana) [Radical Islamism in Russian Regions: General and Specific (on the Example of Dagestan, Kabardino-Balkaria, Karachai-Cherkessia and Tatarstan)]. Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: formy vyzhivaniya i bytovaniya [Islam in the Soviet and PostSoviet Space]. Kazan': Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2004. Pp. 47-66. (in Russian).
18. Buttaeva A. Islam v polikonfessional'nom prostranstve sovremennogo Dagestana [Islam in the polyconfessional space of modern Dagestan]. Tsentral'naya Aziya i Kavkaza [Central Caucasus and Asia], 2012. Issue 1. vol. 15. Pp. 79-89. (in Russian).
19. Khalidova O.B., Seferbekov R.I. Protsessy reislamizatsii v postsovetskom Dagestane: problemy i osobennosti (pervaya polovina 1990-kh gg.) [Re-Islamization Processes in Post-Soviet Dagestan: Problems and Peculiarities (first half of the 1990s)]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University], 2018. No. 3 (75). Pp. 64-69. (in Russian).
20. Kisriev E.F. Islam i sotsial'nye konfliktyna Severnom Kavkaze. Religiya i konflikt [Islam and social conflicts in the North Caucasus]. Religiya i konflikt / Pod obshhej red. A. Malashenko i S. Filatova [Islam and conflict / Under the general editorship of A. Malashenko and S. Filatova]. M.: Rossijskaja politicheskaja enciklopediya (ROSPPEN) Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSPPEN), 2007. 289 p. (in Russian).

21. GARF (State Archives of the Russian Federation). F.A-661. Op.1. D.12. L.7-10.
22. Shakhbanova M.M. [2016]. Etnicheskaya, religioznaya i gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost dagestanskikh narodov v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva [Ethnic, religious and state-civic identity of the Dagestan peoples in the context of the transformation of Russian society]. Makhachkala: ALEF. 385 p. (in Russian).

Информация об авторе: Халидова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия
ORCID id: <http://orcid.org/0000-0002-3454-9427>
РИНЦ:ID: 623674;
Web of Science Researcher ID: AAZ-4507-2020
o.khalidova2011@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Olga B. Khalidova, candidate of historical Sciences, senior researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia
ORCID id: <http://orcid.org/0000-0002-3454-9427>
РИНЦ:ID: 623674; Web of Science Researcher ID: AAZ-4507-2020
o.khalidova2011@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 11.07.2020
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 06.08.2020
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2020

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests